

A large, stylized leaf graphic in a darker shade of blue, positioned behind the text. The leaf has a prominent vein and a pointed tip, extending from the top center towards the bottom left.

АЛЕКСАНДР
ВОЛОДИН

ОСЕННИЙ
МАРАФОН

Александр Моисеевич Володин

Осенний марафон

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3022145

Володин А.М. С любимыми не расставайтесь! (Авторский сборник):

Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-54962-7

Аннотация

«– А что природа делает без нас? Вопрос.

Бузыкин диктовал. Алла стучала на машинке с профессиональной быстротой...»

Александр Володин

Осенний марафон

– А что природа делает без нас? Вопрос.

Бузыкин диктовал. Алла стучала на машинке с профессиональной быстротой.

– Кому тогда блистает снежный наст? Вопрос.

Кого пугает оголтелый гром? Вопрос.

Кого кромешно угнетает туча? Вопрос.

Зачем воде качать пустой паром,

И падать для чего звезде падучей?

Ни для чего? На всякий случай?..

Алла смотрела на него.

– Что ты? – спросил Бузыкин.

– Как бы я хотела, чтобы у нас был ребеночек! – сказала она.

– Зачем?

– Он был бы такой же талантливый, как ты...

– Это не я талантливый, это они. А я только перевожу.

– Он бы тебя веселил, мы бы вместе тебя ждали...

– Алла, я свою жизнь переменить не могу.

– И не надо. Тебя это не будет касаться.

– Нет, Алла. Нет и нет.

У нее были на редкость крупные глаза. Они придавали ее

облику трагическую миловидность.

По двору среди недавно поставленных домов и недавно посаженных деревьев шел человек с яркой спортивной сумкой. То, что он иностранец, чувствовалось, даже когда он молчал.

Бузыкин в трикотажном тренировочном костюме дремал, сидя на стуле.

Звякнул дверной колокольчик. Бузыкин открыл дверь, радушно улыбаясь. Иностранец сиял утренней свежестью.

– Монин!

– Монин! – бодро откликнулся Бузыкин.

– Вы готов?

– Готов! Секундочку, доложусь жене.

Заглянул к Нине. Она была еще в постели.

– Нина, мы побежали.

– Господи, когда это кончится! Полчаса могла еще поспать.

Они бежали по улице. Бузыкин вслед за Биллом. Тот громко бросал советы через плечо, что привлекало внимание прохожих.

– Ту степс ин! Фор степс аут!

Бузыкин чувствовал себя неловко. Кроме того, ему хотелось спать. Кроме того, в его жизни сейчас было столько неприятностей, что обретение спортивной формы ничего не решало.

Из кабинета, где рабочий день еще не начался, Алла набрала телефонный номер. Нина сняла трубку.

– Алло!.. Слушаю. Ну что вы там молчите и дышите? Мяукнули хотя бы.

Положила трубку, сказала Бузыкину:

– В следующий раз бери трубку сам.

Бузыкин, Билл и Нина пили чай.

БИЛЛ. Это как называется?

НИНА (*лучезарно улыбаясь*). Хворост.

БУЗЫКИН (*радостно улыбаясь*). Хво-рост.

БИЛЛ. Очень вкусно.

БУЗЫКИН. Нина прекрасная кулинарка.

НИНА. Не напрягайся, дорогой.

БИЛЛ. Простите, очень быстро, плохо понимаю.

НИНА (*улыбаясь*). Это я не вам.

БУЗЫКИН (*улыбаясь*). Это она мне... Билл, рассудите, почему, если кто-то где-то молчит и дышит, то это звонят именно мне?

БИЛЛ. Простите, как?

БУЗЫКИН. Я говорю...

НИНА. Может быть, мы без Билла разберемся?

БИЛЛ. Простите?

БУЗЫКИН. Это она мне.

НИНА. Это я ему.

Трудно выяснить отношения такого рода в присутствии иностранного гостя. Он может не так истолковать, сделать неверные выводы, увезти с собою за рубеж ложное впечатление.

Снова зазвонил телефон. Нина поставила аппарат перед мужем.

БУЗЫКИН. Да?..

Это была Варвара Никитична.

Бузыкин, срочно звони Алле. Она у себя в машбюро.

БУЗЫКИН. К сожалению, сейчас не могу. Загружен работой.

ВАРВАРА. Слушай, Бузыкин, не валяй дурака. Ты у нее какую-то рукопись забыл. Она пыталась тебе об этом сообщить, твоя Нинка ее обхамила. Так что давай успокаивай.

БУЗЫКИН. К сожалению, сейчас очень загружен рабо-

той.

ВАРВАРА. Ясно. Нинка там рядом. Ладно, я ей сама позвоню.

БУЗЫКИН. Вот это не надо.

ВАРВАРА. Надо. Пока.

Бузыкин положил трубку.

– Веригин звонил из издательства... – обратился к Флетчеру: – Все торопят, торопят. У вас в Англии тоже так?

БИЛЛ. Тоже так, да.

НИНА. А тебе не показалось, что у него женский голос?

БУЗЫКИН. У кого?

НИНА. У Веригина.

Взгляд жены сделал его прозрачным.

БУЗЫКИН. Он через секретаря разговаривал. Через секретаршу...

БИЛЛ. Очень вкусно. Это как называется?

НИНА. Хворост. Извините, мне пора.

Вышла в прихожую.

БИЛЛ (*тихо*). Немножко сердится?.. Может быть, я лучше уйду? Или лучше остаюсь? Будет меньше скандал?

БУЗЫКИН. Плохо себя чувствует.

Нина показала в пальто, весело улыбаясь.

Мне пора на работу, Билл! Дальше вас будет развлекать Андрей.

БУЗЫКИН. Нина, если что-нибудь надо купить, скажи. У меня после института будет время.

НИНА. Купи цветы. Секретарше.

Ушла.

БУЗЫКИН. Пошла на работу.

БИЛЛ. Может быть, у вас тоже есть дела? Может быть, я отнимаю время?

Бузыкин посмотрел на часы.

Немного времени есть.

Взял с полки иноземную папку, раскрыл.

Я прочитал. В принципе все правильно. Но русское просторечие лучше бы переводить также просторечием. Вот, скажем, здесь у Достоевского: «Да за кого ты себя считаешь, облизьяна зеленая». У вас «грин манки» – обезьяна.

Здесь «облизьяна» – сленг.

Снова зазвонил телефон.

Прошу прощения. (*Снял трубку.*) Слушаю вас.

Это опять была Варвара.

Бузыкин, она ненормальная.

БУЗЫКИН. Кто?

ВАРВАРА. Наша Аллочка. Я ей сейчас попыталась все объяснить, причем очень деликатно. А она велела тебе передать, чтобы ты к ней больше не приходил. Бузыкин, что делать? Может, мне к ней подскочить?

БУЗЫКИН. Ни в коем случае. И вообще, кто тебя просил вмешиваться!

ВАРВАРА. Ну, братцы, вы мне надоели. Я всю ночь работала, я хочу спать. Пока.

БИЛЛ. Я думал, «облизьяна» – это неправильная печать.

БУЗЫКИН. Нет, это правильная печать.

В его наручных часах заверещал звоночек.

Извините, Билл, мне пора в институт.

БИЛЛ. Все. Я вас больше не задерживаю. Только еще один маленький вопрос.

Снова стал листать рукопись.

Сейчас найду...

Бузыкин бежал по улице. Короткими перебежками, чтобы не бросалась в глаза его унижительная поспешность.

Свернул в институтский двор.

Устремился вверх по лестнице. Но в коридоре остановился. Навстречу ему шел Шершавников. Добродушный, неприужденный, простой.

Бузыкин свернул в первую попавшуюся дверь. Это была читальня. Там занимался его приятель Евдокимов. Бузыкин прильнул к дверной щели.

– Что там? – спросил Евдокимов.

– Шершавников.

– Ну и что?

– Не хочу подавать руки этой скотине.

– А что случилось?

– Знаешь, что он сделал? Он Лобанова завалил, Куликова протолкнул, и тем самым Васильков стал замзав кафедрой.

Тут он отпрянул от двери.

В читальню вошел Шершавников.

– Здравствуйте, – сказал он.

– Добрый день, Владимир Николаич, – ответил Евдокимов.

Шершавников протянул руку Бузыкину. Тот уставился на протянутую руку оцепенело.

– Здорово, Бузыкин! – окликнул его Шершавников.

Он так приветлив, обаятелен и открыт, что не подать ему руки невозможно.

Рукопожатие было крепким.

Наконец он смог дозвониться на работу к Алле.

– Это машбюро? – кричал в трубку Бузыкин. – Мне Аллу, пожалуйста!

В машбюро звякали каретки, стучали клавиши машинок. Девушка в пулеметном их клетке кричала в ответ:

– А ее нет! Ей плохо стало, ее с работы отпустили!

Алла лежала на тахте. Она была бледна и непричесана.

БУЗЫКИН. Что с тобой? Что случилось?

АЛЛА. Ничего особенного, просто сердце закололо.

БУЗЫКИН. Надо же к врачу!

АЛЛА. Была.

БУЗЫКИН. Что он сказал?

АЛЛА. Сказал – полежать.

БУЗЫКИН. Что тебе наговорила Варвара?

АЛЛА. Ничего нового. Что у вас дружная семья, что вы живете душа в душу сто пятьдесят лет, что ты не хочешь ее расстраивать... Я и сама все прекрасно знаю. Но когда говорит чужой человек – это страшно. Ты-то веришь, что мне от

тебя ничего не нужно? Только бы видеть тебя иногда.

БУЗЫКИН. Нашла кого слушать! Надо было трубку бросить.

АЛЛА. Ну да! Она говорит, говорит, а меня всю колотит, и вот до сих пор.

Алла не хотела обвинять в чем-либо Бузыкина. Но не собиралась и скрывать свои обиды. И Бузыкин чувствовал себя виноватым.

Он присел на стул возле Аллы в позе лечащего врача. Но тут в его часах задребезжал звоночек.

АЛЛА (слабо усмехнулась). Домой пора?

БУЗЫКИН. Да нет же, дела. В издательство вызывают, Веригин. Я сбегаю! И через часок у тебя.

АЛЛА. Беги...

В издательстве разговор мог оказаться долгим. Поэтому, чтобы сэкономить на дороге, он бежал. Возле автобусной остановки задержался, оглянулся – автобуса не было видно. Он побежал дальше.

Редактор издательства Веригин был добродушен и приветлив.

– Хорошо, Андрей Палыч. Как всегда, хорошо. Всем по-

нависло. Обсудили, отзывы только положительные, по существу, без замечаний. Надо бы отдавать в набор.

– Я рад, – смущаясь, проговорил Бузыкин.

В официальных местах Бузыкин всегда чувствовал себя неловко и потому старался держаться посвободней. Но тогда выходило, что он ведет себя развязно. От этого он чувствовал себя еще более натянуто.

– Но разговор у нас будет печальный, – сказал Веригин.

Бузыкин встревожился:

– А что такое?

– Срывается у нас это дело.

– Как – срывается?!

– Да этот Саймон, оказывается, выступил там с какой-то расистской статьей. Прогрессивная общественность возмущается. А мы, получается, переводим его, рекламируем?

– Вот это да. Год работы. И что же, все коту под хвост?

– Ну кто же мог предвидеть!

– Это верно, это верно, – бормотал Бузыкин. – А может быть, как-нибудь обойдется?

– Милый мой! Ну как обойдется? Пока, во всяком случае, пускай полежит. А там видно будет.

– Понятно, понятно...

– Андрей Палыч, ты так уж не расстраивайся. У тебя «Разбитая луна» в каком состоянии?

– В каком? В разбитом.

– Как это – в разбитом? Вот у меня записано: «Бузыкин.

Десятое». А сегодня какое? Четвертое. Через неделю чтобы перевод был на столе. Мы ее пустим вместо этого Саймона.

– Это мне не успеть.

– Ну хорошо. Тринадцатого сдашь? Тринадцатое – крайний срок.

– Не знаю. Придется ночью сидеть...

– Посиди, посиди. Для здоровья полезней, чем по бабам бегать. В нашем возрасте.

– По каким бабам? – заволновался Бузыкин.

– Ленинград – маленький город, Андрей Палыч...

Нина говорила негромко, прикрывая трубку, чтобы не слышал Билл.

– Слушай, это уже хамство. Он час уже тебя ждет, ты же обещал повести его по местам Достоевского!

– А, черт, совсем из головы вон. Бегу! – отвечал Бузыкин из автоматной будки. – Скажи, через десять минут буду.

– А ты где?

– Я же сказал, у меня кафедра.

– Ты говорил, что кафедра у тебя в пятницу.

– Нина, некогда, здесь уже стучат.

– Где стучат, на кафедре?

– Ладно, приду домой, все объясню...

Пошел – побежал, пошел – побежал. Через арку ворот, по лестнице.

Алла по-прежнему лежала в постели, но была уже приче-

сана. Бузыкин выложил перед ней яблоки.

– Вот яблоки, вот валокордин. Как ты себя чувствуешь?

– Уже ничего.

– Тогда я побежал.

– А поесть!

Тут он заметил, что стол накрыт.

– Я же старалась... Правда, что было в холодильнике, я же не могла выйти.

– Да. Да. Сейчас.

Бузыкин сел за стол, стал проворно есть.

– А твоя дочка на кого похожа? – спросила Алла. – На тебя или на Эн Е?

– Ни на кого. Бросила институт, моет стекла в магазинах...

– А ты разве не помогаешь им?

– Да муж у нее такой же обормот, не велит брать, хотят жить самостоятельно. Пытаюсь наладить контакт – ничего не получается.

– А вот если бы у нас был ребеночек, он бы тебя уважал, я бы уж его воспитала...

– Алла, меня ждет Билл.

– Ничего с ним не случится.

В разговорах с ним все почему-то легко находили точные и убедительные формулировки. Бузыкин понимал их несостоятельность, но быстро найти убедительные возражения не умел.

Постучали в дверь.

– Входите, дядя Коля! – крикнула Алла.

Вошел сосед. Достойной повадкой он внушал уважение.

Бузыкин встал.

– Сидите, сидите, Андрей Павлович. Ну, как ты, болящая? – спросил дядя Коля.

– Уже поправилась, дядя Коля.

– Вот до чего себя довела. Все нервы.

Бузыкин виновато покачал головой.

– Дядя Коля, Андрей Павлович торопится, его английский профессор ждет. Андрей Павлович в порядке культурного обмена помогает ему переводить Достоевского на свой язык.

– Сейчас пойдет... Я чего пришел-то. Андрей Павлович, я хочу, чтобы вы знали. Мы с ее отцом были кореши. И вот его нет, а я остался. Так?

– Конечно, дядя Коля! – подтвердила Алла.

– Так вот, может быть, я забегаю вперед, тогда простите, что касаюсь этой темы. Но ведь рано или поздно, я думаю, вы как-то оформите ваши отношения?..

– Дядя Коля, зачем это?!

Дядя Коля смутился.

– Андрей Павлович, может быть, я лишнее говорю?

Засмутился и Бузыкин.

– Почему же лишнее...

– Разве я стал бы вмешиваться? Тут каждый себе хозяин.

– Дядя Коля, я же прошу!

– Погоди, Алла, я к делу веду. Так вот, я думал, думал...

Когда решитесь, оформите ваши отношения – я уеду в деревню, и моя комната в вашем распоряжении. И вот, у вас будет отдельная квартира.

– Ну, зачем это, – проговорил Бузыкин.

– Что за бредовая идея! – воскликнула Алла.

– Я сказал.

Волевые люди подавляли Бузыкина. Они не слышат объяснений. Они выстроили в своем представлении такой определенный образ мира, нарушить который может только катастрофа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.